

феномен, укорененный в самой экзистенции. Представляется, что применение этого метода в философии права будет способствовать обретению адекватного знания о бытии права, позволяя онтологически обоснованно провести разницу между правом и сопутствующими феноменами (моралью, справедливостью), а также отличить право от его видимости либо явления. В целом же применение фундаментально-онтологического метода открывает перед философией права широкие перспективы в отношении постановки и разработки вопросов о модусах бытия права, онтологическом смысле права, связи бытия права с бытием "того сущего, которое всегда есть мы сами", бытием человека.

Список литературы: 1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Дом интеллект. кн. 1999. – 336 с. 2. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы в философии права). – М.: Аванта+, 2000. – 560 с. 3. Козловский А.А. Гносеологична природа права (філософсько-правовий аналіз): Автореф. дис.... д-ра юрид. наук:12.00.12. – К., 2000. – 40 с. 4. Козюбра М.І. Методологія права: концептуальні підходи//Пробл. методології сучасного правознавства: Матер.міжн. наук.-теор. конф. – К.: Право, 1996. – С. 18-25. 5. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Курс лекций. – М.:Юрист, 1997. – 672 с. 6. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция//Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3-16. 7. Петрова Л.В. Фундаментальні проблеми методології права (філософсько-правовий дискурс): Автореф. дис.... д-ра юрид. наук:12.00.12. – Х., 1998. – 35 с. 8. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad marginem, 1997. – 452 с. 9. Херрманн Ф. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. – Мн.: Пропилен, 2000. – 192 с.

Надійшла до редакції 01.10. 2003 р.

УДК 340.12

С.Э. Зархина, зав.лабораторией

*Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков*

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ФИЛОСОФСКОЙ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

В последние десятилетия наблюдается интенсивный рост исследований языка права, приведший к появлению относительно самостоятельной дисциплины, граничащей между языкознанием и правоведением, – “юридического языкознания” (или “лингвистики права”, или “юрислингвистики”) [10]. Последнее название нам представляется наиболее удачным.

Следует сказать, что в быстрорастущем массиве юрислингвистических публикаций практически отсутствуют попытки философского осмысления их предмета. В довольно многочисленных монографиях по философии права вопросы языка права в лучшем случае только

упоминаются в связи общими вопросами юридической техники. До сих пор остаются неисследованными связи юрислингвистики с философией права и философией языка как в современном, так и в историческом плане. Современный аспект этих связей нами уже рассматривался в другой публикации [См.: 3]. В данной статье мы обратимся к одному из важнейших этапов – начальному в истории философии юрислингвистики. Философский смысл ему придает лейтмотив истинности, правдивости, справедливости слова, его совпадения с действительностью и делом.

Для каждого исследователя в области гуманитарных наук экскурс в античность в поисках истоков интересующей его темы довольно естественен. Именно с тех времён тянется родословная и философия вообще, и философия права и языка, в частности. Для предмета нашего изучения особенно важно, что очень часто рассуждения античных классиков совмещают оба эти частных направления, погружаясь в государственно-правовой и судебно-риторический контекст. Сами эти рассуждения еще не имеют характера систематического дискурса, но сквозь них уже проступают контуры философской юрислингвистики, даже в наши дни оставляющей на будущее формирование стройной и детально продуманной теории.

До греков не было даже попыток как-то теоретически отразить связь между словом, юридическим законом и практикой. Тем не менее уже в древнейших правовых памятниках восточных цивилизаций встречаются свидетельства признания важности устного и документированного слова в процессе судопроизводства. Большое значение придается клятве, присяге, удостоверенным печатями записям сделок, завещаний, распоряжений и т.п. Так, в Законах Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) ст. 1 предусматривает смертную казнь за ложное обвинение, т.е. за лживое слово, ст. 178 требует заверения завещания печатью. Юридическое значение клятвы – торжественной формулы, подтверждающей истинность сказанного, подчеркивается в ст. 249 [См.: 9, с. 12, 21, 24]. Ориентация на правдивое слово присуща и древнеегипетским представлениям о праве и правосудии, покровительницей и символом которых является богиня Маат [См.: 1, с. 10].

В более универсальном и светском виде принципа правосудия процессуальная ориентация на правдивое слово выражена в древнеиндийских Законах Ману (между II в. до н.э. и II в. н.э.). В главе IV, п. 138 говорится: “Надо говорить правду, говорить приятное, не следует говорить неприятную правду, не следует говорить приятную ложь – такова вечная дхарма” [Цит. по 9, с. 27]. Впрочем, это скорее моральный, чем правовой принцип, свидетельствующий больше о гуманности за-

конодателя, нежели о процессуальной эффективности провозглашаемого принципа.

Ману убежден, что “все вещи определяются словом, имеют основанием слово, произошли от слова, кто же нечестен в речи, нечестен во всем” [Цит. по 9, с.32]. Включение в кодекс такого положения свидетельствует о попытке философского обоснования роли слова в праве. Но это всего лишь первые шаги, не имевшие дальнейшего продолжения в восточной правовой мысли древности.

Довольно богатый вклад по сравнению с восточными законодателями внесла античная интеллектуальная традиция, в которой фрагментарные упоминания о слове и речи в контексте законодательства сменяются более глубокими и вполне теоретическими положениями.

Как отмечает Г.В. Драч, уже у Гомера “слово” и “дело” дополняют друг друга. “На уровне слова вырабатывается программа действия, затем следует ее повтор на уровне дела” [2, с. 242]. В собственно правовом контексте Солон выражает общее с восточными законодателями неприятие того, чтобы слова и поступки людей противоречили друг другу [7, с. 105].

Ведущей нитью для нас далее будет первое из сохранившихся свидетельств античной рефлексии над языком и речью в их связи с мыслью – гераклитовский *logos*, трактуемый и как обычное человеческое слово, и как сама мысль, и как Божественное Слово, которое следует понимать как выражение высшего закона бытия и высшего разума (“Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают...” – В1 DK).¹ В отличие от этого высшего и совершенно недвусмысленного Слова, обычные человеческие слова очень часто двусмысленны и многосмысленны (“имя луку (bio's) – жизнь (bi'os), но дело его смерть”). Утверждая, что “все течет”, Гераклит, очевидно, предполагал и то, что постоянно “течет” и смысл слов, вплоть до перехода в полную противоположность. Этот момент был подмечен и эксплуатирован софистами в целях наживы и саморекламы. Благодаря ему любое высказывание стало возможным толковать вольно в свою пользу или в пользу клиента, доказывая и опровергая все что угодно. Следует, однако, заметить, что сам Гераклит вовсе не стремился к такой интерпретации его принципа “все течет”. Он возмущается оратором, стремящимся не к единству “слова” и “дела”, а к тому, чтобы “зарезать” оппонента (В 81 DK).

Некоторые современные исследователи (Ж.-П.Вернан, С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев и др.) считают софистов творцами первых философс-

---

¹ DK – Diels-Kranz, традиционное обозначение фрагментов из сочинений досократических мыслителей по фамилиям их первых немецких собирателей и издателей. Здесь мы цитируем русский перевод [8, с.189].

ко-правовых и философско-лингвистических учений. "...Только софисты стали говорить о силе слова вполне сознательно и систематически, впервые создавая для этого также и необходимые теоретические предпосылки" [4, с. 30]. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с преувеличением роли софистов и полным игнорированием их морально-правового нигилизма. Из текстов греческих классиков – Ксенофонта, Платона и Аристотеля, из которых, собственно, и доступны почти все современные сведения о взглядах софистов, мы получаем совсем иную картину. Не доверять этим источникам у нас нет оснований – довольно близко они взаимодействовали с софистами и слишком сильно ценили свою репутацию, чтобы извращать их взгляды. Как показал В.Д. Титов, опираясь на тщательный анализ античных текстов, классическая логика возникает как последовательная теоретическая реакция на софистические провокации в практике судебной аргументации [1, с. 17-19]. То же в полной мере относится и к софистической "теории" языка – она тоже была только "провокацией". Хотя свою славу софисты (Протагор, Горгий Леонтинский, Продик Кеосский, Фрасимах Халкедонский, Гиппий из Элиды, Антифонт, Критий и др.) приобрели благодаря несомненным ораторским талантам и действительно первым исследованиям языка и ораторской речи, их теоретизирование было далеко не столь содержательным и эффективным, как пытались внушить они сами и как нас пытаются убедить их современные симпатички. [1, с.42] Мы уже рассматривали так называемый логический парадокс "Еватл", свидетельствующий о неосмотрительности и правовой неграмотности софиста Протагора, согласившегося получить плату за обучение только после первого выигранного его учеником Еватлом дела и вынужденным самому подать в суд на него. Парадокс состоит в том, что, если кто-то из них формально выиграет в суде, он же материально и проиграет. В этом случае мы имеем яркий пример того, что повседневный язык, описывающий бытовые отношения, существенно отличается от юридического мета-языка, который выражает правовое содержание повседневных отношений. И не столь важно, был ли в действительности этот классический случай языковой неосмотрительности в оформлении контракта, а то, что античная традиция связала его именно с родоначальником софистики и с софистикой вообще с ее претензией на создание теории языка и судебных дебатов.

С первыми проявлениями философской теории языка мы встречаемся только у Сократа и Платона. В отличие от софистов, отношение к слову у них весьма уважительное. Оно есть прежде всего опора разума и знания о вещах и их существовании: "... Для каждой существующей вещи есть свои слова" (Евтидем, 285 е), причем "никто не может выя-

вить в слове того, что не существует” (там же, 286 а)¹. В смысле слова Сократ (и Платон) видят концентрацию мудрости древних предков, которые его изобрели для передачи своих наблюдений над связями между вещами (Кратил, 401 в). Тем самым впервые ставится проблема референции – соответствия слова (знака) и вещи (обозначаемого), и ее решение связывается с наличием или отсутствием существования вещи, а не с произволом.

Основной же философско-лингвистический аспект – связь между словом и делом, словом и образом жизни. Напомним, что свободный грек считал унижительным физический труд, а высшими делами – войну, спорт, участие в собраниях и религиозных церемониях, науку и философствование. Вот почему “свободному и образованному человеку” следует уметь владеть словом и “... по возможности лучше, чем остальным присутствующим...” (Соперники, 135 d), а научить этому, по убеждению Сократа, может только беседа (Алкивиад I, 129 с). Сам он постигал это искусство у знаменитой Аспазии, которая обучила многих хороших ораторов и среди них Перикла (Менексен, 235 е).

Только свободный человек ощущает моральный и интеллектуальный дискомфорт, не умея владеть словом: “Я негодую при мысли, что не могу выразить в словах то, что у меня на уме” (Лахет, 194 в). Конечно, стремящийся это постичь Лахет мог бы пойти к известным своим красноречием софистам. Однако, как он сам говорит, “когда я слышу какого-нибудь мужа, рассуждающего о добродетели..., и он при этом настоящий человек и достоин своих собственных слов, я радуюсь..., видя как соответствуют ... друг другу говорящий и его речи. ...такой человек представляется совершенным мастером музыки, создавшим прекраснейшую гармонию, но гармонию не лиры и не другого какого-то инструмента, годного для забавы, а истинную гармонию жизни, ибо он сам настроил свою жизнь как гармоническое созвучие слов и дел” (188 с). Мотив единства слова и дела у достойного человека переходит из одного диалога в другой. По мнению Сократа, “следует судить не по словам, а по тому, каковы те, кто эти слова произносит” (Эриксий, 399 с). Говорить неправду не просто нехорошо, но и недостойно свободного человека, даже если эта неправда украшена цветистыми речами. “Ум мой блуждает далеко и не внемлет красивым словам... все это пышные и блестящие фразы, истины же в них нет” (Аксиох, 369 d).

Искусство слова и речи неотделимо от логики, ясного, связного и

---

¹ Диалоги “Соперники”, «Евтидем», «Лахет», «Алкивиад I», «Эриксий», «Менексен», «Минос» цитируются в общепринятой пагинации по изданию [5], диалог «Кратил» – по изданию [6].

последовательного строя мысли. В диалоге “Минос” Сократ спрашивает у некоего неназванного Друга, что такое закон, и слышит в ответ: “Но чем же иным может быть закон..., если не тем, что узаконено”. Сократ комментирует это так: “Значит, по-твоему, и слово – то, что говорится, и зрение – то, что видится, и слух – то, что слышится? Или же слово и то, что говорится, – это разные вещи ...? Разве не разные вещи закон и то, что узаконено? ...<Если разные,>то что же такое закон?” (Минос, 313 b).

Ставится еще одна философско-лингвистическая проблема – первичное именование, денотация, за которой стоит и другой, более сложный вопрос абстрагирования как способа последующей организации мысли через операции с именами. Его достаточно явно поставит Платон в поздних диалогах, особенно в “Кратиле”, где он полемизирует с софистической концепцией именованности: якобы “существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы” (383 a). Гермоген, собеседник Сократа, считает, что софисты не правы, так как все имена даются вещам по договоренности между людьми: “Ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть” (384 d-e). Сократ поправляет Гермогена, что необходимо рассуждать не о правильности, а об истинности речей (385 b). Правильнее считать, что “сами вещи имеют некую устойчивую сущность”, “безотносительно к нам и независимо от нас” (386 e), а имя есть только орудие (388 a), “орудие обучения и распределения сущностей” (388 e). Вполне очевидно, что не каждому человеку дано устанавливать имена, “но лишь тому, кого мы назвали бы творцом имен. Он же, видимо, и есть законодатель” (389 a). Законодателю надо уметь воплощать в звуках и слогах имя, причем то самое, которое в каждом случае назначено от природы. Создавая и устанавливая всякие имена, он обязан также обращать внимание на то, что представляет собою имя как таковое... (389 d-e). Если вспомним, что согласно утопическим государственно-правовым взглядам Платона законодатели должны находиться под контролем философво-диалектиков, становится понятным высказывание Сократа: “Кто мог бы лучше других присмотреть за работой законодателя и судить о сделанном...? Не тот ли, кто будет этим пользоваться? ... Так не тот ли, кто умеет ставить вопросы? ... и давать ответы?... Того, кто умеет ставить вопросы и давать ответы, мы называем диалектиком.... [Поэтому] законодатель, видимо, должен делать имя под присмотром диалектика, если он намерен как следует установить имя” (390 c – d). Будем реалистами: законодатель этого не делал и во времена Платона, и (пока что?) не очень склонен к этому и в наши дни.

Сделаем несколько выводов.

1. Юрислингвистика имеет достаточно глубокие философские основания в античности.

2. Дальнейшее исследование этих оснований образует существенно новую для истории философии права задачу.

3. Ее решение позволит, на наш взгляд, не только установить приоритеты в теоретической разработке юрислингвистических проблем, но и обнаружить нетривиальные следствия, которые могут быть пригодны для разработки современных научно-практических рекомендаций.

Список литературы: 1. Вступ до сучасної юридичної логіки /За ред. М.І. Панова і В.Д. Титова.– Харків: Ксилон, 2001.– 196 с. 2. Драч Г.В. Рождение античной философии. – М.:Гардарика, 2003. – 316 с. 3. Зархіна С.Е. Логико-семіотичні аспекти аналізу правничих термінів// Пробл. законності: Респ.міжвідом. наук зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій.– Харків: Нац. юрид. акад. України, 2003. – Вип. 62. – С. 200-204. 4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969. – 715 с. 5. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 607 с. 6. Платон. Кратил // Платон. Соч. в 3-х томах, – Т. 1, – М.: Мысль, 1968. – С. 413 – 484. 7. Плутарх. Солон и Попликола // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 102- 145. 8. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч.1 /Отв. ред. И.Д. Рожанский.– М.:Наука, 1989.– 576 с. 9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран/ Под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юрид. лит, 1984. – 472 с. 10. Юрислингвистика-4: Юридикологическая дисциплина на юрид., филол. и журналист. фак-тах рос. вузов: Межвуз.сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. – 171 с.

Надійшла до редакції 22.09.2003 р.